

FIGURENSTEHEN

EINE LEGENDE

Günter Grass

Steidl

Гюнтер Грасс Каменная Месса

Перевод с немецкого Петра Абрамова

альпина
Проза

Москва
2025

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44
Г77

Переводчик ПЁТР АБРАМОВ
Редактор ТАТЬЯНА СОЛОВЬЁВА

Грасс Г.

Г77 Каменная месса : [новелла] / Гюнтер Грасс ; Пер. с нем. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 96 с.

ISBN 978-5-00223-318-2

Когда Умберто Эко спросили, с какой женщиной из мировой истории искусства он хотел бы провести вечер, он назвал Уту Наумбургскую. Рассказчик этой истории, нобелевский лауреат Гюнтер Грасс, разделяет это мнение. Во время писательского тура по ГДР в конце 1980-х годов он видит её вместе с одиннадцатью другими фигурами донаторов в Наумбургском соборе. А поскольку на бумаге возможно всё, он решает пригласить всех тех, по чьему подобию художник создал в XIII веке реалистичные скульптуры, отобедать в его саду. Неожиданно облик Уты встречается ему реально в дне сегодняшнем — на площадях Кёльна, Милана и Франкфурта. Грасс следует за ней повсюду, ищет встречи. Какой она явится ему сегодня? О чём они будут говорить?

История, изначально задуманная как глава для книги «Луковица памяти», была обнаружена в архиве Грасса его сотрудницей Хильке Озолинг совсем недавно. Теперь, уже после смерти автора, эта новелла, проиллюстрированная авторской графикой, увидела свет.

УДК 821.112.2-32
ББК 84(4Гем)-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-318-2 (рус.)
ISBN 978-3-96999-107-7 (нем.)

© Steidl Verlag, Göttingen / Günter und Ute Grass Stiftung, Lübeck, 2022
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

Figuranten stehen

Vogelküst, Ulrike
am 5. August 2003

Сегодня эти обломки несокрушимых бетонных блоков — музейные экспонаты. Когда же стена ещё привычно возвышалась, а власти по обе стороны продолжали, пусть и вполголоса, собачиться между собой, на стол ко мне легло присланное по почте приглашение, особого значения которому я сперва не придал. Овеянные седой древностью названия городов — Магдебург, Халле, Йена и Эрфурт — сулили путешествие в глубь веков. Посоветовали запастись терпением — выездные бланки должны были скоро подоспеть. Ожидая дозволения пересечь границу уникального рабоче-крестьянского государства, я начал робко ворошить страницы своих средневековых воспоминаний, воображая, как чередой сменялись людные застолья:

жарко́е, едко приправленное перцем, множество разносолов, что подавались к гречневой каше, и медово-сладкие соусы к пшёнке. Когда же после обычных проволочек — дважды в выезде отказывали — завизированные бумаги прибыли, а путь от места до места был определён, оставалось надеяться, что выпадет возможность пусть проездом, но побывать в Кведлинбурге и Наумбурге, в городах, история которых почилла на страницах школьных учебников моей юности.

Мне часто случалось приглашать к столу исторических персонажей. Однажды я сиживал с палачом и его заказчиками за жарким из требухи, а прежде — за длинным трапезным столом с главой рыцарского ордена. Доротея из Монтау водрузила на тарелку поджаренную сельдь по-шведски — пятничное блюдо. После селёдочного ужина Доротея, которая была очаровательна, продекламировала нам стихи на средневерхненемецком, и хотя они были навеяны поэзией миннезингера Вицлава Рюгенского, мы, будучи искушёнными в литературе, всё же заметили, что стихи оказались её собственными. Сельдь

по-шведски дала тогда название главке в романе.

Магдебург был первой нашей остановкой. Лютеранский пастор по имени Чихе; его сыновья отказались от военной службы в Народной армии и потому проходили альтернативную — в стройбате; пастор этот состоял в письменных и устных контактах с церковными и светскими инстанциями и был терпеливо настойчив и в итоге добился своего: нам дозволено было въехать в Германскую Демократическую Республику, а мне — почитать в церквях и домах общин главы из моей последней книги, где речь идёт о крысах и людях. Читать вслух мне всегда нравилось. А если потребуется, то и в культовых зданиях с акустикой, испытанной веками. Средневековье, настойчиво внушал я себе, отстоит от нас дальше, чем Римская империя. Восточнее Гарца, где-нибудь в Кведлинбурге, можно открыть для себя больше, чем в раннехристианских катакомбах неподалёку от Аппиевой дороги. Ночевали мы в давно требующих ремонта домиках пастырей, обед в них предвляла

краткая молитва. Скрипучие половицы. Грибок у основания фундамента. Неприступные пасторские жёны.

Во время нашей поездки слежка госорганов была умеренной, даже когда в Халле зрители в нарушение регламента покинули переполненный зал общины и неожиданно до отказа забили близлежащую католическую церковь, оборудованную усилителями. От страницы к странице рассказывалось о том, как выжившие крысы упражнялись ходить прямо, на двух лапах. Читал я тогда битый час. Потом последовали вопросы. Сперва нерешительно, а потом всё раскованнее доносились они из публики, кучно сидевшей на церковных скамьях: «Стоит ли оставаться здесь?», «Нужно ли ходатайствовать о выезде?». Я отвечал: «Хорошо там, где нас нет». Но этот опыт вопрошающим ещё предстояло пережить.

Не успеешь глазом моргнуть — и ты в другом столетии. В Эрфурте, где монах-августинец Лютер познавал сомнение, я читал в окружении старых стен. Сначала компания восточно-германских панков попыталась

сорвать выступление, но потом моя крысиная история пришлась им по вкусу. Она развивалась во времена флагеллантов, когда, как утверждалось, коварные евреи занесли в страну чуму. В современности же и государство, и его правители уже выглядели утомлёнными. Священник в Йене с женой и детьми держали лошадь, которая, как в сказке, высывала морду из ворот конюшни. С давних пор и поныне — преследования еретиков. А войны — запротоколированы и списаны в архив. В Тюрингии, должно быть, ещё обитали бежавшие из Богемии вальденсы. Покосившийся дом священника ютился в этих заброшенно-диких краях, неподалёку от полей исторических сражений при Йене и Ауэрштедте. Направление указывал путеводитель. Повсюду — раскрошившиеся руины раннего и позднего Средневековья. А теперь и современность, столь ярко притворившаяся политически упорядоченной, начала с обочины вписываться в рамки исторического процесса.

Кого же мне теперь следовало пригласить к застолью? Магдебург, где я выступал

в трапезной собора, подал мне первую идею: Тилли — кайзеровского генерала от папской партии, он принял приглашение вскоре после того, как освободил пылающий город от мародёров, он — мой грустно-тоскливый гость. Я подал ему чёрную кровяную похлёбку, сваренную со свиной кровью и рублеными почками в кисло-сладком соусе.

Потом мы воспользовались выходными между встречами. Повсюду ощущал я дух кровавой бойни Тридцатилетней войны. А может, только в Эрфурте, уже на обратной дороге, у нас возникло искушение свернуть с маршрута? Нет, нас не влекло в Веймар или в Бухенвальд, к мемориалу, которому навеки суждено быть по соседству с Веймаром. Но куда? Наше путешествие вдруг дальновидно прояснилось: «Давай поедem в Наумбург, может, собор будет открыт...»

Было это ближе к концу восьмидесятых. Поздней весной? Нет, осенью. Я вижу или хочу увидеть отяжелевшие от плодов ветви яблонь в палисадниках. Во всяком случае, когда, оказавшись у подножия собора, мы увидели перед собой серый и нахохлившийся

Наумбург, то дым от печных труб степенно поднимался над городом и таял в воздухе. По извилистым переулкам неотступно следовал за нами запах бурого угля. Скорее кисловатый, чем горький. Дождя не было, виднелась долина реки Заале, где едва угадывался исток Унструта. Старые дома, как и во многих рабоче-крестьянских государствах, разрушались словно в замедленной съёмке — для местных упадок был ещё не так заметен. В стороне — кварталы панельных новостроек. Мы не увидели ничего примечательного. Ввиду обеденного перерыва собор был закрыт. На площади, которая граничила с неким подобием сквера, работал закусочный киоск. Моей жене захотелось попробовать восточногерманскую колбаску. Много лет назад, когда возведённая стена рассекла Берлин, жена сбежала из своего государства, но если и считала в немецких марках, то всегда говорила о западных деньгах, была расчётлива, а при выгодной покупке полагала, что удалось сэкономить. Восточную колбаску она похвалила:

«Вкусно как раньше». А я нашёл повод добавить: «А всё-таки карри здесь и не пахнет».

Мы ни с кем не говорили. И никто не заговаривал с нами. Наш шведский автомобиль мы припарковали как полагается. Нигде ни одного банка. Мы старались не привлекать внимания. Время здесь шло по-другому. Замершее в своём движении вперёд, оно текло вспять, пронзая настоящее. С юности хотелось мне сойти, словно по ступеням, в совершенно иное пространство времени и затеряться в нём. Ни теснота моей родной двухкомнатной квартиры, ни дальнейшая жизнь в военных лагерях и бараках, ни общество галдящих детей — ничто не мешало мне убегать от дня сегодняшнего. И вскоре я обнаружил себя в другой компании. Я пригласил их, и они явились. На бумаге многое возможно.

Когда собор открылся, осмотреть его нам разрешили только в сопровождении экскурсовода. Сначала мы спустились в романскую крипту, потом по плану были заявлены восточные хоры собора, затем нас познакомили с архитектурными особенностями

позднероманского нефа, но вспомнить я могу только те разъяснения, что громко и настойчиво раздавались под сводами западного хора и у алтаря. Молодая женщина в деловом платье обращалась к нам и ещё трём супружеским парам. Её правильный немецкий с едва заметным тюрингским акцентом звучал учёно. Она предпочитала говорить во множественном числе: «здесь мы видим примеры раннеготической архитектуры...», «осмотрев с обеих сторон рельеф алтарной преграды, теперь мы перейдём к скульптурам двенадцати донаторов-основателей», «а сейчас давайте посмотрим на самую известную пару...». Мы — группа, где, кажется, только двое были одеты по-западному, — следовали её указаниям.

Едва я окунаюсь в прошлое, как перед глазами встаёт тот самый момент, когда мы, вступив за арку и перешагнув алтарную преграду, тотчас были разочарованы, представ перед низкорослыми фигурами величайших донаторов, описанных во всех альбомах по искусству. Теперь мы увидели их наяву: они возвышались на постаментах под

каменными дугообразными балдахинами. Вот так и бывает с подлинниками. Нас вводили в заблуждение узнаваемые фотографии этих монументальных скульптур, запечатлевшие Конрада и Гепу, Германа и смеющуюся Реглинду, мечтательного Тимо и темпераментного Зиццо, и особенно маркграфа Эккехарда и всем прекрасно известную Уту. Вот и одна из трёх туристок в нашей группе, уже собравшейся вокруг скульптур, сказала: «Да они же намного меньше, чем я думала».

Нам пришлось смириться с их реальными размерами, равно как и с остатками въевшейся краски, которая местами ещё держалась и искажала форму. Тщетной была попытка представить фигуры донаторов в их первозданной красочности. А потому мы стремились воспринять каждую статую как оригинал в его нынешнем состоянии. Объяснения, представленные нам с отточенной дикцией, не принимали во внимание ни поблёкшие краски, ни почти фантомные образы, которые фотографировали при хорошем свете и в изящно найденном ракурсе.

Эхо под западным хором придавало каждому слову непререкаемую значительность. «Итак, как мы видим, с 1250 года скульптуры располагаются по отдельности или попарно, за исключением скульптуры под именем Конрада, которая в 1532 году во время злонамеренно устроенного пожара — троны в хорах были охвачены огнём — рухнула с постамента, а позднее была собрана из множества рассыпавшихся частей и водворена обратно. Мы видим творения из мастерской скульптора, имя которого осталось неизвестным, работы раннеготического стиля, хотя реалистично запечатлённые складки одежды не соответствуют художественным приёмам драпировки той эпохи».

Пояснения женщины-экскурсовода звучали так убедительно, будто она произносила их впервые. Нас провели вдоль левой стороны хоров. Лёгкий, однако ощутимый педагогический ход должен был воспрепятствовать нашей увлечённости или просто долгому пребыванию около широко известной, образцовой и превозносимой в бесчисленных комментариях скульптурной пары.

Мы стояли перед некоронованной Гербург и рухнувшим когда-то Конрадом. Когда же в поле нашего зрения появились Герман и Реглинда с разукрашенной короной, я услышал, как одна из пар зашептала: «Глянь-ка, улыбается точно как твоя сестра Эльвира, немножко с издёвкой». — «Ага, как наша Эльвира, точно».

Должно быть, этот шёпот не ускользнул от внимания нашего экскурсовода. «О наших скульптурах говорят, что они выполнены в естественной манере, как будто выхвачены из жизни. Соглашаясь с этим, заметим, что эта так называемая достоверность связана только с нашим субъективным восприятием и не может служить подобающим критерием искусства. Правомерно, однако, признать, что все фигуры донаторов индивидуальны. Потому они так живо и воздействуют на нас. Мы ощущаем их словно равных себе, однако принадлежали они к высшему правящему классу, о чём и сами были хорошо осведомлены, в особенности это относится к маркграфу Эккехарду и его жене Уте, как мы сейчас и увидим. Люди своего времени, обле-

чѣнные властью. Что касается Эккехарда — воинственный, нацеленный на постоянное завоевание земель, держащий в страхе своих подданных, властной рукой притесняющий соседние славянские народы на востоке от Заале. И говорят, он даже убил другого князя. Однако великим скульпторам, каковым являлся и наш Мастер из Наумбурга, удавалось, как мы здесь видим, если не устранить указанные классовые противоречия, то проницательно продемонстрировать их нам».

Наконец мы остановились перед самой знаменитой парой. Экскурсовод многозначительно улыбнулась, словно проявив снисходительность к нашему нетерпению. Эккехард и Ута. Она стоит, как стояла всегда: по левую руку от него, прикрыв лицо справа воротом плаща. А поскольку взгляд её прежде всего неприветливый, то и приподнятый воротник плаща можно трактовать как соответствующее отношение к супругу. Верно, вот уже и слышу шепоток в нашей группе: «Смотри, она, похоже, довольно сильно сердится на своего старикана...»